

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

В. Н. Синюков*

Юридическое образование и правовая культура

Постановка проблемы. Имеет ли нынешняя реформа юридического образования в России системные ориентиры в национальной правовой культуре? Каковы закономерные особенности нашей правовой культуры, определяющие специфику подготовки профессионального юридического корпуса? Насколько способно профессиональное образование влиять на фундаментальные основания отечественной правовой жизни? К сожалению, современная общественная дискуссия по поводу юридического образования идет в основном вокруг ступеней, уровней и стандартов подготовки юристов, не затрагивая исходных и постановочных вопросов самой реформы.

Россия значительно позже других европейских стран вступила на путь юридического академизма в науке и образовании. Этот факт очевиден, но далеко не однозначен. Отсутствие в России в течение длительного исторического времени специального юридического образования и системной академической юриспруденции исследователи объясняют коренным отличием системы права, сложившейся в России, от права стран Западной Европы, которое по сравнению с российской отличалось большей сложностью и иерархичностью. Значительно более простой российский порядок гражданского оборота не требовал детального юридического сопровождения. «Из-за неочевидности социальной ценности научного правового знания системное изучение юриспруденции в России изначально не представлялось необходимым, — пишет Е. А. Юртаева. — Затем, уже в Петровскую эпоху из-за утилитарной приоритетности технического познания перед гуманитарным юридическая наука не была ни предметом специального изучения, ни частью общеобразовательной подготовки, ни способом повышения квалификации государственных служащих»¹.

Из такой ситуации вполне логичен вывод о «догоняющем» характере развития национального правового сознания в России. Между тем это не так. Итоги наиболее важных, начиная с петровских, модернизационных проектов свидетельствуют о временности и неустойчивости их результатов, усугублении традиционных проблем, вызванных рецепируемыми правовыми институтами².

Можно предположить, что не только прогресс юридического образования, но и юридизм культуры отнюдь не сводятся к проблеме дифферен-

* Министр культуры Саратовской области, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

1 Юртаева Е. А. Организация профессиональной подготовки юристов в дореволюционной России // Журнал российского права. 2008. № 7. С. 123.

2 См.: Курьшев Е. Ю. Рецепция в праве. Вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

циации и совершенствования регулятивных институтов. Так, наряду со значительным развитием юридических структур в России в XX в. исследования констатируют серьезное снижение уровня правосознания населения. Забитое и бесправное русское крестьянство начала XX в. имело более цельное правосознание по сравнению со свободным и просвещенным, но настроенным более нигилистически обществом современной России, о чем свидетельствуют объективные показатели преступности³.

Расхождение закона и правосознания характеризует самостоятельное существование в России традиционного типа правовой культуры, которая сама по себе не специфична для России, но её разительная дифференциация с официальным правопорядком выделяет Россию по затратности и одновременно неэффективности системы юридического контроля за соблюдением норм. Устойчивый правопорядок состоит в неформальном соблюдении законов и действии социально-психологических механизмов ресоциализации правонарушителей. Существование в России громоздкой государственной системы принуждения к соблюдению закона ставит проблему восстановления единства человека и права.

Источник законопослушности лежит в наследуемых и приобретаемых через правовую культуру способностях людей. Чувства законности и справедливости — важнейшие социальные качества, столь же важные для человека, как способность к языку и общению. Мы мало знаем о происходящих здесь процессах, видим лишь внешние проявления и так же внешне пытаемся на них воздействовать через арсеналы убеждения и принуждения. Между тем социальной ценностью, способной определять характер поведения и принципы отношений в обществе, юридические познания становятся в контексте определенного мировоззрения, жизненного уклада, системы этических стандартов и повседневного быта человека. Вне этих условий подготовка юристов лишена характера подлинного образования и сводится, по сути дела, к углубленным техническим навыкам.

Юрицизм правовой культуры не определяется лишь дифференциацией институтов юридической практики. Юрицизм — это творчество человека, которое формируется вне формальных государственно-правовых структур. Далеко не случайно, что юридическое образование как широкая практика и самостоятельная отрасль обучения появилось значительно позже самой юридической профессии, совпав, по сути дела, с процессом восстановления социального смысла утраченного римского правового наследия в средневековых университетах Италии и Германии. Так же не случайно, что до сих пор значительная часть юристов в мире готовится методом индивидуального научения юридическим действиям в конкретной сфере юридической практики.

Подобная модель подготовки признается весьма эффективной, так как концентрирует внимание на строгой специфике юридического метода. Однако именно такой тип подготовки юристов наиболее отчетливо демонстри-

³ Если в 1900 г. в среднерусской, самой населенной, черноземной части России было совершено 1 300 преступлений и проступков на миллион жителей, то в 2007 г. общий уровень преступности в России составил 2 528 преступлений на 100 тыс. человек, по официальным же оценкам реальный уровень современной российской преступности в 4–5 раз выше. (См.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / под ред. В. П. Семенова. СПб., 1902. Т. 2. С. 182; Клеймёнов М. П. Криминология : учеб. М., 2008. С. 61).

рует реальный механизм социализации права: содержательные и технико-догматические элементы занимают в нем важное, но, по сути, вспомогательное, инструментальное положение, надстраиваясь на ином, более широком образовательном фундаменте. Параметры правовой культуры значительно выходят за формальные границы правовых отношений. Тот факт, что «собственного» правового содержания в юридической профессии относительно немного, что главная роль юридического образования заключается в задаче приспособить человека к основам юридического мышления, вовсе не свидетельствует о простоте и линейности формирования профессионального юридического сознания. Наоборот, бедность собственной методологии права ставит проблему поиска синтетических режимов, в которых правовое сознание получает максимальную целостность и глубину выражения. Такими режимами в широком смысле могут быть политическая, нравственно-религиозная и социально-экономическая культура общества.

Каждое общество вырабатывает свой способ формирования правового профессионального сознания юристов. Значительную эффективность показали английская система, включающая подготовку юриста в структуре самой юридической деятельности, и американская система, которая построена как образование последипломного уровня на основе социально-политического, историко-социологического и экономического образовательного фундаментов. Очевидно, что беспрецедентно высокий общественный статус юридического корпуса в Англии и США тесно связан со спецификой социальных отношений, интегрированностью механизма формирования личности правоведа в политическую и социально-экономическую культуру общества. Получить «узкое» юридическое образование и обеспечить профессиональную интеграцию — далеко не совпадающие явления, и они выстраиваются в определенную инновационную систему формирования юридического стиля страны.

Юридическое образование в России основано на континентальной традиции, которой присущ академический фундаментализм. Его особенность — образовательная корпоративность и самоценность научного, в частности юридического, знания. Характерной чертой такого типа формирования профессионального сознания юристов является значительная социальная автономия юридического образования, основанная на способности академического сообщества самостоятельно определять программы своего развития. Следствием такого положения стал упор на дидактические методы реализации юридических программ, где методология подготовки юриста в принципе не отличается от обучения иным социальным и естественным наукам. Дефицит «научности» в данной традиции юриспруденция восполняет обширными философскими и историческими экскурсами и подробным изложением догматических вопросов. Однако дидактическое мышление малоизменчиво, поэтому в академической юриспруденции господствуют комментарии и исторические ретроспекции, научные факты и теории.

Правовая культура как основа юридического образования. Правовая культура — это механизм воспроизводства и передачи норм правового поведения. Часть этого механизма находится вообще вне культуры и определяется рядом психофизиологических закономерностей, которые наследуются. Наследуемые признаки есть результат действия сложного меха-

низма отбора характеристик поведения, в котором культурный опыт вполне способен фиксироваться на генетическом уровне. Генетическая сфера правового поведения испытывает влияние и материально-вещественных условий существования людей (от изменений климата и питания до половозрастных различий), и социальных факторов. Способ дифференциации правового и неправового обусловлен как отражением культуры, так и генетическим происхождением.

Имеются ли общевидовые структуры сознания, влияющие на формирование определенных универсалий правового поведения? Новейшие данные биологии и антропологии свидетельствуют, что существует определенная общая «природа человека», позволяющая служить основой для тождественного поведения – парная семья, глубинные структуры грамматики, цветопделение и понятие о времени⁴. Генетические универсалии поведения сами по себе фундаментальны и малоизменчивы, в свою очередь, формы их проявления гибки и подвергаются воздействию разного рода условий. Процесс эволюции человека показывает, что реальная стадийность в жизни индивида тесно связана со способностью к новым видам деятельности – собирателя, охотника, земледельца, инженера или программиста, и в структуре этих способностей объективно-правовые признаки занимают значительный и возрастающий вес. Способность к познанию и широкой социализации неизбежно создает параллельные структуры правового сознания и правовые институты даже до и вне формальных юридических норм. В истории общества когнитивные способности во многом определяли общественный прогресс, и условием реализации этих способностей человека выступала адекватная правовая среда. Юрицизм этой среды формируется вне институтов права и законодательства.

И на генетическом уровне, и в культуре заложены объективно-правовые элементы – способность к состраданию, переживание, чувство долга, формы общественного (политического) поведения и многое другое. Эти элементы по мере возрастания сложности общественных связей приобретают определяющую роль. Не случайно, что прогресс западного общества и успехи рыночной экономики прежде всего связывают с достижением господства закона и конституционной демократии, которые, в свою очередь, являются результатом усвоения этических правил. В конечном счете общественное благосостояние в современном обществе зависит от адекватности правовой среды, которая, имея сложную социальную детерминацию, превращается из фактора-условия в фактор прямой инновации развития.

Несмотря на существование у людей общих генетических и биологических свойств, культурно-правовое разнообразие поведения огромно. Прямой линией взаимодействия генетических и социальных факторов здесь служит влияние на правовую культуру национальной специфики. Национальный характер имеет сложную природу, в его становлении участвуют условия естественно-исторического отбора личностных черт и признаков. Фундаментальные реакции человека в сфере способов материального производства, семейных отношений, воспитания детей, организации политического устройства формируются в большей степени через передачу культурного опыта, нежели на генетическом уровне. Этот же механизм свидетельствует, что культурные нормы подвержены значительной пластике, они способны

⁴ См.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее : пер. с англ. М., 2008. С. 40.

меняться во времени, в том числе под воздействием рецепции «чужеродно-го» материала. Собственно, история права представляет собой беспрерывно разворачивающийся процесс изменений в стиле правового поведения.

«Генетические» особенности национальной правовой культуры, формируемые под влиянием долговременно действующих политических и социально-экономических факторов, конечно, оказывают глубокое воздействие на универсальные типы поведения в социальных группах и регионах. Так, длительные деформации политического режима, ограничение доступа к культуре и образованию, личному участию в становлении правовых отношений, безусловно, сформировали нынешние особенности правового сознания и правового менталитета в России. Однако историческая практика свидетельствует о значительных возможностях правовой культуры и образования изменять, в том числе довольно радикально, сложившиеся стереотипы правового поведения.

Национальный «правовой характер» русских проделал значительную эволюцию на двух основных социальных этапах: первом — в связи с переходом от языческого славянства к христианской культуре, втором — после церковного раскола и петровских реформ. Для первого этапа характерен перевес начал этических и мистических над общественными и правовыми, для второго — наоборот, фетишизация формы, подавленность традиции формальным законом и утрата правовым сознанием некогда глубокого этического контекста⁵. Третий этап фундаментальных изменений национального правосознания разворачивается сегодня на наших глазах и имеет во многом потенциальный и не сформировавшийся в своих тенденциях смысл. Представляется очевидным, что на нынешнем этапе антропологической эволюции национальной правовой культуры допускаются потери основных социальных характеристик отечественного правосознания, вводятся в действие ретроградные факторы. Остановить этот процесс можно только через устранение препятствий к самостоятельной творческой деятельности в сфере массового поведения в рамках конституционных демократических институтов. Главное в этих изменениях — не столько собственно юридические формы, сколько правовые институты взаимодействия, установления статусов, семейные, бытовые, производственные поступки, принимающие массовый характер.

Работа по модернизации юридического образования связана с переосмыслением оценок отечественной правовой культуры. Так, в последнее десятилетие почти априорной стала мысль о том, что отличительной особенностью нашей правовой культуры является отсутствие в истории нашей страны стойких правовых традиций, правовых ценностей и что для российского общества характерна подмена правосознания этическими воззрениями. Тезисы о том, что якобы «в течение столетий идеи права и свободы, правового государства и прав личности не имели места в русском историческом опыте» и что «российскому общественному сознанию присущ правовой нигилизм, неуважение к праву и закону» стали практически общепринятыми в учебной литературе⁶.

⁵ О русском национальном характере и его эволюции в связи с изменениями природных и социальных условий см.: *Ключевский В. О.* Курс русской истории : соч. в 4 т. М., 1906–1915. Т. 1. С. 386–387.

⁶ Теория государства и права : учеб. для вузов / отв. ред. В. Д. Перевалов. М., 2004. С. 212–213.

Можно ли воспитывать правовое сознание юристов на постоянном внушении мысли чуть ли не об исторической предопределенности и закономерности для России правового нигилизма? Ни одна страна в мире не готовит свой юридический корпус на такого рода теории. Если бы еще она была верна. Даже бурная и сложная русская история дает на этот счет весьма значительный разброс примеров. Ни один народ в мире не социален по своей природе. Формы и пути правовой социализации в культуре могут быть, конечно, разными, и их закономерности надо изучать, а не политизировать. Теория «прирожденного» российского правового нигилизма — ненаучная и вредная, и в этом отношении очень похожа на пресловутую «норманнскую» теорию происхождения Русского государства, только теперь вот для объяснения нашего права и нашей правовой культуры.

Современная историческая наука, практический опыт российской правовой системы в пореформенный период свидетельствуют об устарелости такого рода выводов. Феномен отечественного правосознания оказался намного глубже пореформенных оценок. Так, распространенное нежелание пользоваться правом на судебную защиту в случае нарушения субъективных прав и свобод, которое констатировали различные социологические исследования, делавшие из этого вывод о низкой правовой культуре и правовом нигилизме населения, на самом деле в большей мере фиксирует только лишь обоснованное недоверие граждан к новой судебной системе России, ее дороговизну, а не неразвитость юридических представлений самих российских граждан⁷. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что наши соотечественники оставили далеко позади других европейцев по числу обращений в Европейский суд по правам человека, несмотря на всю сложность его процедуры.

Тезис о подмене правосознания этическими воззрениями в России также не выдерживает научной проверки, которая свидетельствует, к сожалению, о недостаточности именно религиозно-этической компоненты общественного сознания и о том, что ее ведущая роль в генезисе поведения скорее пока идеал, нежели реальность обыденного правосознания в России. Давно отмечено, что, скажем, характерной чертой русско-православного отношения к Церкви, перешедшей из византизма, является перевес культа над моралью, приоритетное уважение к обряду, ритуальность которого, как отмечается исследователями, ставится даже выше исполнения нравственных заветов. Эта черта неизбежно характеризует и правовое сознание русских. «Брань, драка, пьянство, — писал А. Ельчанинов, — меньший грех, чем нарушение поста; нарушение целомудрия легче отпустится духовником, чем нехождение в церковь...»⁸. Неразвитость этической стороны поведения, внешний фетишизм юридической формы и игнорирование смысла и духа права в правоотношениях, слабость именно этических норм поведения на индивидуальном уровне — существенные недостатки современной отечественной правовой культуры.

Общеизвестно, что русский исторический опыт скорее более, чем какой-то иной, наполнен непрерывной борьбой за идеи свободы — политической, социальной, религиозной. По драматизму, ожесточенности, даже фа-

⁷ См.: Глушкова С. И. Специфика политической и правовой культуры России на рубеже XX–XXI веков // Вестник Гуманитарного университета. Екатеринбург, 2005. С. 27.

⁸ Ельчанинов А., Флоренский П., Эрн В. История религии. М.; Париж, 2005. С. 168, 175.

натизму и в то же время незаметности, подспудности, массовой обыденности эта борьба позволяет говорить об удивительной стойкости и самодостаточности русского правосознания, о которое «спотыкался» не один, даже очень мощный политический режим. По глубине и обостренности чувства справедливости, равноправия, законности правосознание простых граждан в целом значительно выше правосознания юристов, которые, как правило, всегда находят оправдание действиям власти. Полный переход современной России на «образовательный», профильный принцип формирования юридического сообщества во многом объясняет значительный проигрыш именно в юридическом профессионализме нашего, скажем, судебного корпуса, сотрудников милиции, наметившийся по сравнению даже с советским периодом.

С явлением исторической устойчивости специфики массового правового чувства в России вряд ли еще кто может сравниться: так, например, несмотря на длительное жестокое преследование, у нас до сих пор живо институциональное и неформальное старообрядчество со своим социально-правовым мировоззрением. Все это говорит о глубине и сложности отечественной правовой культуры, которая не допускает поверхностных характеристик, а требует изучения своих фундаментальных закономерностей. Исторические сечения и благие пожелания не могут быть основой проведения внятной государственной политики в этой сфере, в том числе в юридическом образовании.

В социальном правовом государстве, к статусу которого стремится Россия, правовая культура выступает естественной средой развития человека и важнейших сфер его жизни. Россия не может актуализировать свои возможности без радикального изменения ситуации в сфере права и правопорядка. При наличии достаточно дифференцированного законодательства, системы юрисдикционных учреждений и несомненном этапном развитии все же с точки зрения резервов своего исторического потенциала правовая культура страны переживает стагнацию. Непременным условием развития экономики и прогресса в строительстве правового общества являются и радикальные изменения в правовой культуре, устраняющие препятствия в демократических механизмах воспроизводства правового сознания.

В конце восьмидесятых в связи с открытием новых социальных возможностей в общественном развитии в стране в буквальном смысле назревала культурная революция права. Но ничего не произошло. Основные противоречия и задачи не были решены, в том числе в рамках судебной реформы и юридического образования. Развития в девяностые годы нельзя отрицать. Однако оно пошло неприемлемым для нашего правосознания этическим путем — через «точечное» повышение благосостояния судей, формирование их замкнутой иерархии и независимости от населения, коммерциализацию юридического образования, непомерное разбухание правоохранительных органов с неизбежной бюрократизацией, деградацией общественной правозащитной функции, снижение уровня доступности юридической помощи населению и культивирование прочих антисистемных явлений.

Культурной революции, которая давно назрела в обыденном правосознании, мешают устойчивые структуры бюрократического управления, слабо реагирующие на социальные потребности общества. Сама по себе юридическая практика не в состоянии сформулировать адекватный социальный

заказ правового развития. Массовая юридическая практика объективно «подгоняет» под свой утилитарный и зачастую социально деформированный ранжир подготовку юристов, требуя от вузов «готовности» выпускников выполнять поручения работодателя. Иных идей работодатели, которых сейчас приглашают к сотрудничеству в проектировании образовательных госстандартов, как правило, заявить не могут, будучи ограничены рамками ведомственного служебного интереса. Между тем главная задача образования нового поколения – инновационная, это значит – изменять сложившуюся юридическую практику, формировать новую правовую культуру на принципах, адекватных социальным ценностям России.

Структурно правовую культуру условно можно разделить на традиционную (народную), современную массовую и высокую (профессиональную). Основной пласт культуры права формируют совершенно безграмотные в юридическом отношении люди. Однако именно они образуют главный эшелон устойчивости и творческого начала в обеспечении национального правопорядка. Основываясь на самых бытовых, подчас сугубо утилитарных и грубо-невежественных представлениях, механизмы общественного сознания соединяют эти наивные и стихийно рациональные представления с научной юриспруденцией. Таким образом, не только знание права и пользование его «продуктами» в виде, скажем, информированности о правах, справедливой судебной защиты, вокруг чего в основном проблематизируются «задачи» отечественного правосознания, а доступ простых людей к деятельности с объективно правовым содержанием, к реальному юридическому творчеству – вот основная задача и подлинная перспектива культурной революции права в России. Но именно в доступности населению юридической деятельности и состоит основная сложность формирования новой правовой культуры в стране. В этой сфере возможности человека в пореформенный период парадоксально уменьшились. Можно сколько угодно говорить о слабости юридических традиций в России и призывать к «повышению уровня» правового сознания, но вне реальной юридической практики массового характера, в которую вовлечены люди, вне реального участия в юридическом творчестве правовая культура в принципе не может развиваться. Развитие местного самоуправления, расширение границ политического участия в решении проблем общества, действительная конкурентность в общественных отношениях, снижение продажности и клановости в принятии решений на различных уровнях – вот источники роста правовой культуры в России. К сожалению, в этих областях мы многое потеряли даже по сравнению с советским периодом. Так, по состоянию общественного самоуправления, привлечению, скажем, населения к решению местных проблем через региональные референдумы Россия значительно отстала от США и европейских стран. Для нас, наследников уникальных коллективистских исторических традиций, это – неприемлемая потеря морального лидерства в ключевой сфере политико-правовой культуры.

Объективный заказ на новую правовую культуру сдерживается слабостью творческой динамики в ведущих областях общественных отношений, искусственной нивелировкой развития новых юридических технологий. Прогресс правовой культуры немислим вне потребностей политической, экономической, социальной жизни общества. Римское право достигло непревзойденной высоты в разработке института собственности через утили-

тарное обслуживание гигантски возросших хозяйственных отношений Римской империи. То же следует сказать и о политической доктрине римского народа, отразившей потребности управления сложным государственным организмом. Французский Гражданский кодекс 1804 г. был ответом юристов на наиболее передовое по тем временам развитие буржуазных отношений, простор которым дала Великая французская буржуазная революция. Правосознание народа растет в процессе конструктивной, новой и даже революционной социальной деятельности.

Наше развитие в пореформенный период часто изымает из правового оборота отношения, являющиеся объективно инновационно-правовыми, которые при положительном ходе подтягивают за собой правомерное поведение, дают позитивные импульсы правосознанию и создают, таким образом, новое качество правовой культуры. Так, юридическая практика регулирования новых сфер национальной экономики не сложится вне новой структуры экономики; конституционные отношения не получат развития и фундаментальности в условиях фактического сокращения предметов ведения субъектов Федерации; политические отношения не станут источником политической культуры населения в условиях непрерывного вмешательства государства в функционирование политической системы и хронической слабости местного самоуправления.

Сам характер экономического роста серьезно влияет на динамику правовой культуры. Экстенсивный, сырьевой его тип не только не стимулирует разнообразие правовых институтов и творческую профессиональную деятельность, но, наоборот, создает предпосылки для бюрократизации правовой элиты, глубоких деформаций правоохранительной деятельности. В России разлажен процесс воспроизводства правовой культуры в структурах основных общественных отношений — экономических, политических, социальных. В этом кроется фундаментальная, глубинная причина системного снижения качества юридического образования, которое не находит в реальных правовых отношениях заказа на инновационное развитие.

Учитывает ли наше юридическое образование всю сложность генезиса национальной правовой культуры? Далеко не в полной мере. Наше отношение к этой сфере — узкопрофессиональное. Между тем инновационная роль юридического образования реализуется исключительно в системном контексте с иными элементами механизма воспроизводства правовой культуры, который включает помимо собственно правовой подготовки иные стадии и формы правовой социализации личности, в частности стилевые особенности дошкольного воспитания и обучения, психофизиологическую поддержку молодежи.

Специфика юридического образования состоит в том, что в отличие от иного гуманитарного, а также естественного и технического образования квалификация юриста очень тесно связана со спецификой национальной культурной идентичности. Последняя, в свою очередь, при глубоких общечеловеческих универсалиях права тем не менее формируется на основе определяющего влияния культурно-исторических традиций национального права и господствующей религиозной этики. Еще в большей мере, чем юридическая нормативная система, правокультурному влиянию подвержены правосознание и правореализация, формы которых в различных странах могут значительно различаться. Эта специфика бывает столь существенна, что в отличие, скажем, от профессии врача либо инженера юрист,

подготовленный на принципах континентальной правовой традиции, вряд ли сможет эффективно работать в системе общего права или в религиозной правовой системе.

Различия в национальных системах юридического образования не сводятся к проблеме освоения разных по социально-юридической природе источников права и технологий решения юридических дел. Более существенно то, что сами по себе «формальные» источники права основаны на целой структуре этических правил, которые нельзя просто «выучить». Только глубокая идентификация личности судьи, прокурора с духовной схемой поведения данного общества является предпосылкой осуществления истинного смысла их юридической деятельности. Эффективность правовых систем не зависит от совершенства юридических актов как таковых, а определяется адекватностью юрисдикционных механизмов национальной правовой культуре и обыденному правосознанию, значительная часть которого наследуется через социальные и даже генетические параметры.

В истории России были периоды мирового лидерства отечественной правовой культуры. Общеизвестно, что Советская Россия стала новатором в сфере социальных прав, в том числе национальных меньшинств, женщин, прав народов, что на определенное историческое время сделало СССР моральным лидером не только для простых людей, но и для интеллектуальной элиты многих развитых стран, власти которых вынуждены были более спешно, чем хотелось бы, инкорпорировать принцип социальности в свои национальные правовые системы. Было ли это лидерство искусственным для нашей страны, учитывая грубые извращения гражданских и политических прав человека в советское время? Искусственными, скорее, были эти извращения, осуществлявшиеся насильно.

Альтернатива, олицетворявшаяся СССР, оказалась общезначимой благодаря исключительно культурной специфике социальности, которую Россия внесла в мировую историю через свои самоуправленческие и общинные институты, глубокие социальные противоречия и наиболее радикальное и системное их разрешение. Сохраняется ли этот «ген» в отечественном правосознании сегодня? Можно ли вообще говорить о сохранении какой-то идентичности нашей правовой культуры после столь многочисленных периодов разрушений отечественного государства и права?

Революции и реформы не могли изменить исторический тип российского правосознания и присущий ему способ создания юридических ценностей. Эти социальные конфликты были драматичной национальной формой реализации сквозных для нашей правовой культуры закономерностей. Так, крайне праволиберальная экономическая и сопутствующие ей правовая и судебная реформы девяностых годов фактически были дезавуированы массовым правосознанием в России, для которого немислима не только экономическая активность, но и необходимое для нее укрепление авторитета суда вне социального законодательства и реального социального доверия.

Рыночные отношения не должны вести к утрате исходных правовых ценностей, накопленных в результате сложного и человечески затратного процесса формирования национальной правовой культуры. Эти ценности не только совместимы с задачами, которые решает страна сейчас, но их актуализация является непременным условием их реализации.

Юридическое образование как инновационный элемент правовой культуры. Какими способами наше юридическое образование может выявить, актуализировать и превратить в реальный инновационный фактор модернизации общества возможности нашей правовой культуры? Какой тип юрицизма соответствует правовой культуре новой России? Насколько образовательные модели, применяемые в современной российской высшей школе, соответствуют потребностям развития национального правосознания? В ответах на эти вопросы и должна, вероятно, состоять правовая образовательная политика. К сожалению, в рамках нынешней реформы высшего профессионального образования так проблема не ставится. Общественная дискуссия идет в основном вокруг вопросов числа, профильности и непрофильности субъектов образовательной деятельности. В связи с этим главной темой общественных дискуссий по реформе юридического образования стал вопрос его качества. Последнее понимается довольно утилитарно – как набор компетенций, позволяющих юристу решать конкретные практические задачи, в том числе и в самообучении. Ключевым недостатком такой постановки является отрыв проблемы качества юридического образования от более широкого социального контекста, в частности культурно-правового.

Разрыв между юридическим образованием и отечественной правовой культурой значителен. Юридическое образование все более делается институтом, изолированным от национальной духовной культуры. Замыкаясь в концепции «юриста широкого профиля», обучение праву не делает человека по-настоящему образованным, понимая юридический профессионализм как знание закона и умение его «применять». Даже общий взгляд на структуру государственного образовательного стандарта по юриспруденции независимо от уровней подготовки (бакалавр, специалист, магистр) показывает стремление охватить максимальное число юридических дисциплин – от теории и истории права до самых специфических курсов криминалистики и международного частного права. Проблема, однако, состоит в том, что сами по себе эти познания не образуют даже основы образованности юриста и сведение вопроса качества подготовки к наиболее удачному распределению юридических дисциплин с кадровым и дидактическим обеспечением не способно повлиять на правосознание самого юридического корпуса. Юридические нормы, юридическая техника, правовая догма, правила процесса, безусловно, есть элементы культуры, но это культура прикладных юридических технологий, которая является лишь частью правосознания юриста.

Профессиональное юридическое образование должно иметь достаточно глубокий культурный и личностный фундамент. Здесь мы сталкиваемся с важной закономерностью: если в утилитарных и просветительских целях юридическое образование должно делать акцент на юридической информированности, то формирование юрисдикционных и тесно с ними связанных нравственно-ценностных компетенций требует иного приоритета. В данном случае на первый план выходят человеческие, культурные и общесоциальные характеристики профессиональной подготовленности юриста. Парадоксально, но сам по себе юрицизм не требует профессионального образования, однако ему абсолютно необходимы этический статус и способность к нравственной и стилевой адаптации в правовой культуре страны.

Эти качества в наименьшей степени вырабатываются в ходе позитивного правового обучения и требуют широкой общегражданской образованности и всесторонней нравственной социализации. Известно, например, что судейская деятельность долгое время не требовала вообще никакой специальной подготовки и до сих пор в некоторых странах, в частности в Англии, мировые судьи магистратских судов, судьи некоторых специальных судов выполняют свои функции без специального юридического образования, а основной критерий их рекрутирования – интерес и способность к общественной деятельности, авторитет среди населения⁹. По таким же критериям формировалась значительная часть юстиции в России в конце XIX в. Дело не в том, конечно, что английская высшая школа не в состоянии «подготовить» в достаточном количестве лиц с юридическим образованием: речь идет о принципиальной несводимости юридической профессии к специальным юридическим познаниям или, по крайней мере, отнюдь не линейном соотношении этих институтов, сложном и уникальном сочетании в статусе юриста элементов различных и внешне даже далеких друг от друга познавательных и поведенческих ориентаций.

Для юридической профессии принципиально важна опора на ментальные основания в национальной правовой культуре, на правосознание обыденное, которое нивелируется, а зачастую деформируется профессиональной юридической практикой. Поэтому в обществе необходимы механизмы, постоянно поддерживающие определяющее влияние на юриспруденцию глубинного социального начала. В России оказалась разорванной именно эта социальная связь. Здесь важен вопрос инновационного развития правовой культуры – создание широкой социальной среды формирования стилевых признаков правового сознания и поведения. Существенными элементами такой среды являются вузы, по своей природе предназначенные быть не только организациями образования, но и центрами правовой культуры. Сейчас их вторая функция неразвита, сведена к утилитарно-просветительской цели.

Изменения системного характера в правовом поведении могут произойти только в рамках идентичного России правового стиля, под которым понимается совокупность поведенческих и этических норм поведения, задающих форму самым различным, в том числе неправовым видам жизнедеятельности. Правовой стиль должен постоянно воспроизводиться и совершенствоваться, оставаясь тем не менее внутренне преемственным. Основные элементы правового стиля лежат вне собственно правовых явлений в их узком смысле. Этические стереотипы труда, альтернативные методы разрешения конфликтов, конфессиональное поведение, общественные институты доверия в социальных контактах (вплоть до специфики гендерной и половой регуляции сознания) – таковы некоторые параметры стилевой характеристики правовой культуры. Непосредственно в праве стилевые качества находят выражение в структуре и источниках права, формах правового мышления и специфике исторического наследия; в отношении к правовому формализму, юридических фикциях, юридической технике и приемах толкования правовых норм¹⁰.

⁹ См.: Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 1998. Т. 1. С. 309–310.

¹⁰ См.: Осаке Кристофер. Сравнительное правоведение в схемах: общая и особенная части. М., 2002. С. 34, 84.

Наше право во многом лишено стилевой основы в культурном укладе. Манера вести себя в общественных местах, одеваться, формы повседневных контактов, употребления пищи и алкоголя, межличностная языковая практика — все это и многие другие ключевые для правовой культуры институты в России бессистемны, часто этически аномальны и оторваны от религиозной и правовой морали. Само понятие правовой этики используется у нас чрезвычайно узко, главным образом, применительно к поведению юриста в уголовном и гражданском процессах.

Юридическое образование не способно самостоятельно повлиять на столь широкую социальную инфраструктуру, но оно может и должно быть инновационным механизмом создания новых социально-правовых продуктов общественного сознания в этой сфере. Главным таким продуктом юридического образования должны быть образовательные программы, рассчитанные на создание современных форм социально-правовой деятельности на местном, региональном и отраслевом уровнях. В любой из этих сфер невозможно добиться прогресса без стилевого правового контекста общественного сознания, способного включать в себя новые формы и смыслы, оставаясь в рамках устойчивой правовой традиции.

Как центры правовой культуры вузы должны значительнее, чем сейчас, интегрироваться в социальный контекст: учебные планы юридических факультетов должны быть сопряжены с программами гуманитарных факультетов классических университетов; деятельность юридических академий и институтов прикладного характера — с системой практической деятельности отрасли или региона, образуя научно-практические и культурно-просветительские кластеры. В рамках культурной идентификации правового образования определенная роль принадлежит так называемым непрофильным вузам, реализующим юридические программы. Эти вузы должны, скорее всего, не готовить юристов общего профиля, а создавать программы, интегрированные с отраслевой деятельностью, что обогатит юридическую профессию проникновением правовой культуры в нетипичные для нее сферы общественных отношений. Поэтому такие вузы должны разрабатывать исключительно индивидуальные для каждой непрофильной профессии образовательные юридические программы.

Современные юристы начинают готовиться в России сразу же со школьной скамьи, не имея, кроме общеобразовательного обучения, никакого культурного и профессионального фундамента и жизненного опыта. Более того, в структуре самого юридического образования нет институтов, которые отвечали бы за социально-правовую интеграцию юриста, были бы звеном культурного влияния на юридическую практику. Последняя, скорее, сама рассматривается как институт «доводки» специалиста до практически пригодной кондиции, явным образом подменяя и часто деформируя правосознание выпускников. Поэтому юридическое образование у нас теряет цельность по отношению к личности юриста. Даже общекультурная компонента в юридическом стандарте постоянно ужимается под напором профессиональных дисциплин и сейчас сводится к буквально трем-четырем небольшим курсам. Такой тип юриста на практике делает из специалиста в лучшем случае утилитарного робота, в худшем — человека, готового выполнить любой заказ, откуда бы он ни исходил.

Кризис «академической» модели обучения юристов имеет фундаментальные причины, не исчерпываемые национальной ситуацией в юридическом образовании. Это — кризис социально-правовой и духовной иден-

тичности юристов, которая оказалась настолько важной ценностью, что ограничила значимость профессионально-юридической компоненты знаний. С наибольшей силой эта проблема обозначилась в нашей стране, испытавшей наиболее глубокий раскол своего политико-правового и нравственного сознания. Однако и в благополучных государствах Европы, скажем в Германии, форму юридического образования которой исторически заимствовала Россия, ситуация с классической моделью юридического образования рассматривается как неудовлетворительная и требующая революционных перемен.

Смысл этих перемен состоит в отказе от принципа «единого юриста», усилении социальной и философской ориентации в юридических дисциплинах, интеграции теоретической и практической подготовки как основы социальной адаптации юридического корпуса. Фактически главной тенденцией является то, что юридическое образование закономерно выходит за рамки университета в область национальной и межнациональной культуры — экономической, политической, молодежной, канонической. Юрист, сформированный на идее юридического профессионализма (судейского, например), столкнулся с парадоксальным вызовом времени, требующим для своего разрешения определенного возврата к исходной цельности человеческого существования. В процессе развития новых правовых отношений система «чистого» юридического академизма попадает в сложное противоречие: рост источников права, прежде всего законодательства, требует вовлечения в предмет обучения все новых областей регулирования, вытесняя социальные и нравственные фундаментальные основания образования; с другой же стороны — само по себе увеличение юридических познаний, несмотря на удлинение сроков подготовки, делает юриста все более профессионально и социально неадекватным, менее образованным и не способным интегрироваться в культуру данного общества. Далеко не случайно, что именно в Германии — исторической родине классического университетского образования — вот уже более трех десятков лет не стихает дискуссия по реформированию сложившейся академической парадигмы юридического образования, которая даже при весьма высоком профессиональном уровне подготовки демонстрирует увеличивающийся разрыв между университетской (вузовской) и служебно-практической (социальной) компонентами общественной социализации юристов¹¹.

Главные проблемы юридического образования — не технологические. Методы обучения юристов везде непрерывно совершенствуются, но, наверное, только в России вопрос подготовки юристов сведен к повышению их «качества» через ужесточение «условий» образовательного процесса и восприятие двухуровневой системы подготовки. Можно ли рассчитывать на решение даже этих ограниченных задач, если мы имеем сугубо формальные представления о самом «качестве» юридического образования? Подлинное качество юридического образования основано на механизме культурной идентификации юридического мышления, на встроенности юридического образования в процесс воспроизводства национального правового сознания и культуры. Возникающие в обществе сомнения по поводу способности юристов не только «применять» и интерпретировать, но и понимать общество и воспроизводить его имманентные культурные нормы

¹¹ См.: *Зипунникова Н. Н., Хусснер М.* Юридическое образование в Германии: правовое регулирование, проблемы и перспективы развития // Вестник Гуманитарного университета. Екатеринбург, 2005. С. 167.

нельзя устранить проверкой у студентов остаточных знаний действующего законодательства.

В России слабость такого механизма наиболее болезненно отразилась на правовом поведении профессионалов. Молодые люди, получившие формально «широкие», обзорные юридические сведения вне контекста общей национальной, региональной, отраслевой культуры, оказываются не готовыми к реализации своей социальной роли в общественных отношениях. Поэтому смысл реформы юридического образования состоит не столько в решении проблемы повышения уровня догматических познаний выпускников, сколько в формировании целостной культурной среды формирования юридического корпуса страны, чисто образовательная специализированная компонента которой есть лишь одна из предпосылок подлинной юридической квалификации.

Такую среду не надо специально выдумывать, она уже есть. Ее фрагменты разрознены, несистемны, рассредоточены в различных институтах и требуют концептуального соединения. Прежде всего, наше юридическое образование нуждается в обретении твердой почвы в отечественной и мировой гуманитарной культуре. Юристы пока не смогли использовать в интересах профессии достигнутый обществом уровень грамотности в широком ее смысле. Для ее развития совершенно недостаточно собственно правовых знаний. Правовую культуру не может развить юридическая ученость, которая недостаточна для созидания широкого юрицизма как способа социализации человека. Воспитание юридического корпуса через университеты имеет гораздо более глубокий смысл, чем изучение в его стенах законов. Такой подход должен быть элементом мультикультурного образования, которое и способен дать только университет.

Застойные явления в отечественной правовой культуре и образовании вызывают необходимость пересмотра существующего типа юридической подготовки в университетах и академиях. В своих профессиональных аспектах она должна строиться на основных, не юридических университетских программах социально-гуманитарного типа в области истории, социологии, культурологии, экономики, психологии и иных фундаментальных гуманитарных наук. Это создаст необходимую общенаучную и мировоззренческую основу для освоения частных юридических курсов, которые сами по себе имеют смысл только в структуре широкой общесоциальной культуры юриста.

Непременное формирование общенаучного фундамента для последующего изучения права имеет глубокую традицию в мировой образовательной культуре. Так, со времен первых средневековых европейских университетов XII–XIII вв. обязательным для всех учащихся был подготовительный (или артистический) факультет, где преподавалось семь свободных искусств, а также курсы математики, геометрии, астрологии, теории музыки. Только получив степень бакалавра (магистра) искусств, студент допускался для продолжения обучения на одном из основных факультетов: богословском, медицинском или юридическом, по окончании которого ему присуждалась степень магистра в соответствии с профилем факультета¹².

К сожалению, потенциал зарубежной и русской общественной мысли, значительные ценности, созданные в этой сфере, очень мало практически

¹² См.: Средневековые университеты XII–XVI вв. // Хрестоматия по истории института научной подготовки и аттестации в университетах и академиях Западной Европы и России (начало XII в. — 1918 г.). Ставрополь, 1997. Ч. 1. С. 25.

используются в отечественном юридическом образовании — области, по сути, производной, глубоко связанной с фундаментальными гуманитарными ценностями. В этом смысле наше юридическое образование нуждается в расширении своих интеллектуальных источников. Ценность университетского образования не только в том, что выпускники гуманитарных факультетов могут работать учителями истории или обществоведения. Университеты — носители и хранители широкой гуманитарной культуры, которая должна восстановить свою роль в формировании юридического корпуса страны.

Профессиональное поведение предполагает интеллектуальную и психологическую зрелость, достижение которой невозможно непосредственно со школьной скамьи и вне культурного контекста данного общества. Опыт классических правовых стран свидетельствует, что юридическая корпорация формируется путем сложного и последовательного прохождения этапов формирования индивидуальной социальной и правовой культуры. Так, английские барристеры начинают судейскую карьеру к 40 годам, а в большинстве случаев — даже после 50 лет¹³.

Юридическая профессия в России нуждается в росте и оздоровлении своего человеческого капитала. Необходимым условием получения профильного юридического образования профессионального типа должно быть наличие опыта практической работы либо гуманитарного, экономического или иного университетского образования, хотя бы на уровне бакалавриата, что позволит значительно расширить интеллектуальные источники формирования юридического корпуса, фундаментирует его культурную основу, значительно ограничит приток в юридическую профессию случайных и незрелых людей. Юридическое образование профессионального типа — особый вид обучения, так как служит одной из существенных предпосылок занятия юридических должностей, поэтому это образование должно иметь особые механизмы личностного отбора и учебных траекторий. Для продолжения образования уже по собственно правовым дисциплинам необходимо, вероятно, предусмотреть трехгодичный профильный специалитет, ориентированный на конкретную сферу юридической деятельности.

Уточнение ориентиров. Мы проводим реформу юридического образования без фундаментальной стратегии. Результатом этого стало отставание профессиональной школы от потенциала отечественной правовой культуры, приниженность в юридической профессии морально-нравственного и воспитательного начал, отсутствие строгой социально-профессиональной идентичности юристов, узость профессионального мировоззрения выпускников, утрата юридическим образованием системных общественных связей в гуманитарной культуре и, как следствие, отставание национальной школы права от мировых тенденций развития юридического сообщества.

Болонский процесс сам по себе не может заменить национальной стратегии развития юридического образования. «Повышение качества» подготовки юристов обретает смысл только в конкретной системе адекватных институтов национальной правовой культуры и при том условии, что само образование преодолевает свою изолированность и выступает ча-

¹³ См.: Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 317.

стью более широкой научной, воспитательной, культовой и иной институциональной социальной системы. Россия находится в поиске своей модели юридического образования и стиля правовой культуры.

Правовая культура является социальной инновационной средой современного западного капитализма. Его достижения и общеизвестны, и впечатляющи. Правосознание западного мира имеет глубокую основу в победившей в Средние века и утвердившейся после буржуазных революций протестантской этике. Однако эти несомненные и уникальные в своей цивилизационной индивидуальности достижения в стратегическом отношении имеют фундаментальную черту — западный тип воспроизводства правовой культуры, который не спасает от отчуждения человека от власти и демократии, человеческого одиночества в обществе, серьезных злоупотреблений не только элиты, но и в целой системе отношений, включая ксенофобию и даже геноцид. Ситуация в России убедительно показывает, что рыночные реформы и бесчисленные «голые» правовые институты сами по себе порождают лишь правовой цинизм населения и рекрутируют беззащитную политическую и экономическую элиту.

Нынешняя кризисная ситуация на финансовых рынках свидетельствует о том, что этика западного общества имеет фундаментальный недостаток именно в правовой культуре. Господствующее правосознание современного рыночного капитализма определяет принципы экономического поведения. Корпоративные скандалы, злоупотребления финансовыми менеджерами, их не знающая меры алчность и продажность основывались на системе стимулирования, допускавшей личное обогащение за счет своих акционеров и наемных работников.

Должна ли наша правовая культура, развиваясь в лоне рыночных отношений, безоговорочно воспринимать этику иной правовой и социальной морали? Не является ли низкая эффективность и слабая приживаемость инструментов новой экономики, отчуждение широких слоев населения от духа нового законодательства и широкая нестабильность его буквы следствием подавленности институтов национальной правовой этики и деградации его догмы? Верен ли постулат о безусловном приоритете законодательства как центра нашей правовой системы? Законопослушность — не изолированное явление, а составная часть социального поведения со всеми его этнопсихологическими, нравственными и историко-культурными аспектами. Сама по себе природа законопослушности чрезвычайно сложна и во многом иррациональна. Добиться законопослушности через повышение «социальной обоснованности» законодательства и его техническое совершенство еще никому не удавалось, хотя и то и другое — были и будут важными сферами совершенствования правовой системы. Как это ни парадоксально звучит, соблюдение законов в меньшей степени зависит от самих законов, история права полна примеров высокой степени идентичности субъектов с самым морально неадекватным и варварским законодательством¹⁴.

Сегодня необходимо видение: в каком направлении мы хотим изменить нашу правовую культуру, в чем именно заключается здесь роль юридиче-

¹⁴ Подробнее об этом см.: Соколов А. Н., Балаклеец И. И. «Правовая культура» фашистской формации (Германия 1933–1945 гг.) // Правовая культура. 2008. № 1. С. 22–31.

ского образования и через какие институты оно будет способно выполнить эту роль? По мнению западных авторов, изменяющийся в результате глобализации мир требует новой системы регулирования, необходимости переосмысления роли государства и этических принципов. «Вызов сегодняшнего дня состоит в том, — пишет Дж. Стиглиц, — чтобы выправить баланс между государством и рынком, между коллективными действиями на местном, национальном и глобальном уровнях, между действиями государства и негосударственными действиями. По мере того, как меняются экономические обстоятельства, нужно менять и баланс. Государство должно включаться в новые сферы деятельности и уходить из старых»¹⁵.

Мы не можем не задаваться такими же вопросами, чтобы иметь осмысленный план действий в целой системе политико-экономических и правовых отношений современной России. Однако ответы на эти вопросы в контексте реальных правовых культур весьма разные. Если для США в стратегическом плане является актуальным «открытие» ограниченности рыночного механизма и осознание порочности дерегулирования и необходимости большего и глубокого участия государства в правовых отношениях с целой системой обновленных этических принципов, то для России в сфере права речь идет о восстановлении исходных социальных ценностей, извращенных поверхностным пониманием индивидуализма и капитализма и фактическом формировании правовой культуры следующего поколения, построенной на отказе от примата абстрактной юридической формы в пользу дерегулирования и раскрепощения творческой активности человека¹⁶.

Юридическое образование в России накопило значительный потенциал, который сможет раскрыться исключительно в русле российской правовой культуры.

¹⁵ *Стиглиц Дж.* Ревущие девяностые. Семена развала. М., 2005. С. 59, 24.

¹⁶ Деретулирование нельзя понимать в духе крайнего либерализма и правового индивидуализма. Речь идет об изменении способов регулирования, деююкратизации, в частности, упрощении порядка регистрации юридических лиц, внешнеторговых операций, сокращении проверок, предметов лицензирования и т. д. (См.: *Тихомиров Ю. А., Талапина Э. В.* Введение в российское право. М., 2003. С. 117).